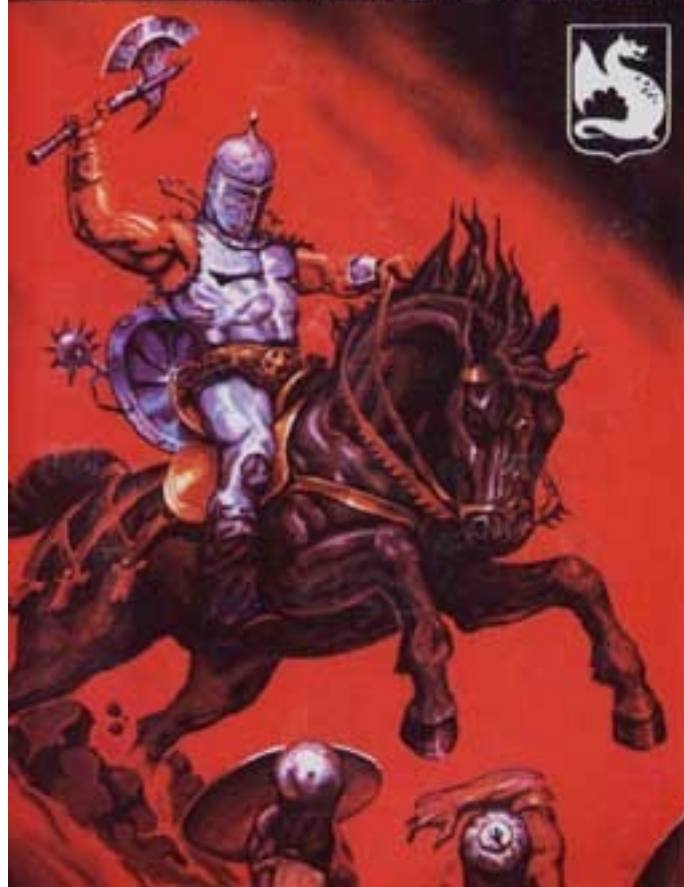

Англо-американская
ФАНТАСТИКА

Лестер Рей

День Гигантов

1950

Рей Л. Д.

День Гигантов / Л. Д. Рей — 1950

Во второй том сборника «Англо-американская фантастика» вошли произведения известных писателей-фантастов Роберта Хайнлайна «Хозяева марионеток», Лестера Дель Рея «День Гигантов», Майкла Муркока «Приносящий бурю», а также рассказы Говарда Фаста. Для широкого круга любителей фантастики.

Содержание

ГЛАВА I	5
ГЛАВА 2	11
ГЛАВА 3	16
ГЛАВА 4	20
ГЛАВА 5	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Лестер Дель Рей

День Гигантов

*Век мечей и секир, треснут щиты,
Век бурь и волков до гибели мира...
Из скандинавского эпоса «Старшая Эдда».*

ГЛАВА I

Короткое лето промелькнуло, как не бывало, и первый иней засеребрился уже в начале августа. В сентябре зима свирепствовала на когда-то благодатных равнинах Соединенных Штатов. Урожай погиб, так и не созрев, «жатва» шла только в лесах – заготавливали дрова на зиму. Плиты и печи в домах топились без перерыва. Это было единственное спасение от холода.

Лейф Свенсен подтолкнул последнее бревно на пилораму, и пила снова завывала. Крупный, худощавый человек со спокойными движениями, он казался даже медлительнее, чем был на самом деле. Синие-стальные глаза, светлые волосы, резкие, но не раздражающие черты лица выдавали в нем потомка викингов. Но ярость и жадность к жизни, присущие морским разбойникам и рыцарям древности, не читались в его лице. Весь его облик был отмечен какой-то невыносимой мрачностью и собачьей усталостью.

Он отключил мотор. Сложил дрова. Похлопал ладонью о ладонь, чтобы согреться. В тишине завывал ветер, и снежная крупа постукивала по металлической крыше сарая. Хмуро, без улыбки он повернулся к гостю, который безмолвно ждал, когда он кончит работу.

– Что скажешь, Саммерс? – спросил он без любопытства. Просто чтобы что-то сказать.

– Слушал радио. Дела все хуже. Буран идет из Дакоты в Кентукки. Похоже, зацепило и нас. Ад да и только. Старик Эриксон считает, что наступил конец света.

Саммерс куснул плитку жевательного табака. Он по привычке улыбался, но сквозь улыбку пробивался страх. Не дождавшись ответа, с сожалением вздохнул.

– Да, Лейф, я зашел к тебе из-за собаки. Ты не передумал?

– Нет, – сказал Лейф как отрезал. – То, что я говорил шерифу, остается в силе. Мой Рекс ни в чем не виноват. Он две недели сидит на цепи. Почему он должен отвечать за проделки какого-то неизвестного зверя?

Саммерс смущенно кашлянул.

– Подожди, я же не говорю, что ты должен что-то делать. Я просто хочу тебя предупредить, что сегодня в пять соседи соберутся и школе. Эл Шторм заявил – двух его свиней прошлой ночью загрызла собака или волк. Но ведь в округе сроду не бывало волков. Он взбешен, Лейф. Ты сам понимаешь, в такие времена остаться без мяса не шутка. Вот я и решил тебя предупредить. Может быть, ты заглянешь к ним, объяснишься, пока они ничего не успели натворить? А то они здорово завелись.

Саммерс, конечно, был прав, и Лейф помрачнел. В мире разразился продовольственный кризис, урожай погиб, не хватало кормов для скота. Снова появились так называемые Комитеты бдительных эти ура-патриоты требовали наведения порядка любой ценой. Комитеты уже действовали во многих штатах, и кое-где даже случались суды Линча. И не за потерю свиньи, а за любую мелочь.

– Спасибо, Саммерс, – кивнул Лейф. – Я, пожалуй, загляну к ним. Но что еще скажешь? Я же чувствую, что у тебя полно новостей!

Лицо Саммерса просияло от ощущения собственной значимости, и все-таки страх не исчез из его глаз. Почти шепотом он произнес:

– Я видел ангела нынешней ночью. В небесах. Белокурая женщина на белом коне летела на восток примерно в тридцати метрах над землей. Она пела так пронзительно, что могла бы разбудить и мертвых. Ты знаешь, о чем-то подобном сообщали солдаты. Мы были на охоте вчетвером в час заката, хоть солнца-то и не было, и мы все видели ее... А на прошлой неделе то же самое видел один парень из Двойных Развилочек...

Лейф не придавал значения его бормотанию, даже не удивился, но все же сделал вид, что ему интересно. Каждая война рождает свои психозы и массовые галлюцинации. А ведь даже непрочное перемирие, заключенное в Европе, не смогло остановить истерии из-за ледяной погоды и страха перед наступающим голодом.

Хорошо еще, что никто не решился пустить в ход атомные бомбы. Но напряжение и страхи не проходили. Не удивительно, что мир переполнился слухами об ангелах, витающих в небе над полями сражений. Когда-то бессмысленные легенды о «летающих тарелках» утихли после первых полетов на Луну, где не оказалось никаких пришельцев. Теперь измученным чудачкам стали мерещиться ангелы. Саммерс, вероятно, увидел случайный луч солнца, отраженный облаками... Лейф не стал отнимать у своего собеседника иллюзию. Пожалел, промолчал.

Ему помог телефон. Из дома сквозь порывы ветра прорвался звонок. Лейф побежал к дому. На ходу он извинился перед Саммерсом. Долго ли звонил телефон? Он боялся, что гудок прервется.

Но телефон не унимался, и когда Лейф схватил трубку, он услышал голос своего брата. Они были близнецами – он и Ли.

– Наконец-то Лейф! Вот ты и попался... Ты сможешь заехать за мной?

– А где твой мотоцикл?

– Ты понимаешь, он пошел юзом и врезался в телеграфный столб у Пяти Углов. От него, конечно, мало что осталось, но я вовремя соскочил. Отделался парой царапин и синяками. Могло быть куда хуже...

В трубке раздался смех: Ли что-то сказал в сторону, явно не Лейфу.

– Я же просил тебя не трогать этот чертов мотоцикл... Разве можно ездить по нашим дорогам на таком драндулете? – начал Лейф, но Ли оборвал его, продолжая смеяться.

– Это верно, мой мальчик, ты просил, а я не послушался. Зато сейчас я у Фолкнеров, мне делают перевязку... Знаешь, где их ферма? О'кей, тогда приезжай и заberi своего блудного брата. Только смотри, не очень торопись! Ты увидишь, какую я тут нашел медсестру...

Телефон умолк, и Лейф чертыхнулся. Он даже скривился, когда представил, как Ли валяет дурака во время перевязки. Братья были такие разные! Ли вел себя как глупец, в пятнадцать лет он умудрился попасть на Вторую мировую войну, после этого – Корея, затем участие в южно-американских заварушках, потом – еще половина мира. Время от времени он отправлял домой письма, полные новостей, событий, женских имен, случайных цитат. Иногда от него приходили деньги, которые Лейф принимал неохотно, но тратил не без пользы для их общего дома и фермы.

И вот Ли Свенсен вернулся. Вернулся залечивать рану в груди, полученную пару месяцев назад во время боев в составе нового французского иностранного легиона. Ему быстро наскучила жизнь фермера – рассудочная, спокойная, полная трудов. Рана еще не зажила, и он, как помешанный, носился на мотоцикле. Поведение, типичное для бешеного братца. Только он способен, попав в аварию, рассматривать несчастный случай как забавное развлечение и повод для легкомысленного знакомства.

Пока Лейф разговаривал по телефону, Саммерс ушел. Увидев хозяина, Рекс взвился на цепи. Он был надежно прикован к своему месту. Лейф направился в гараж. Проверил мотор, долго возился, обматывая колеса цепями: он не хотел случайной аварии на заледенелых дорогах. Конечно, Ли никогда бы не стал этого делать, но этим-то он как раз и отличался от Лейфа.

Привычка к аккуратности и осмотрительности укоренилась глубоко в душе Лейфа и чуть ли не вошла в поговорку среди местных фермеров. В отличие от Ли, он никогда не рвался из дома – наоборот, занимался хозяйством, строил теплицы, пристроил к дому оранжерею. Он медленно двигался по жизни, планируя каждый шаг и как бы приговаривая: «Тише едешь – дальше будешь...» Конечно, его неторопливую жизнь оправдывали полный амбар, корм для скота, погреб, где вкусно пахло копченостями. Но изредка, когда приходили письма от Ли или сам неукротимый братец врывался на порог отчего дома, Лейф печально раздумывал о своей неприметной судьбе. Наверное, самое яркое в ней – это волнующие приключения телевизионных героев. Нет, он не был романтиком, и даже телевизор увлекал его только во время передачи. Что же, может, оно и к лучшему, что жизнь его прошла без каких бы то ни было авантур.

И все-таки он любил своего брата. Правда, иногда Лейфа охватывала обида, что ему пришлось бросить колледж, когда Ли умчался на поиски приключений.

Он снова вернулся мыслями к сегодняшнему дню и снова испытал тревогу. Теперь-то он определенно не попадет на соседскую сходку, а там нет никого, кто бы встал на его сторону. Саммерс некогда не решится возразить этим патриотам, даже если они примут решение убить Рекса. Ли как будто специально выбрал время, чтобы влипнуть в свои неприятности.

А ветер усилился, с мрачного неба посыпался густой снег. Снежинки, острые и твердые, подскакивали на заледенелой дороге, секли ветровое стекло, но хорошо хоть не прилипали к нему. Лейф сгорбился над баранкой, весь устремленный вперед. Он, повернул регулятор автопечки до упора, но ветер уносил тепло быстрее, чем оно согревало. Обратный путь будет еще тяжелее.

На пути встречались машины, и почти все они не были приспособлены для езды по зимней грейдерной дороге. Судя по всему, во всех встречных машинах сидели горожане. Они искали по деревням продукты, а сейчас, испуганные бураном, торопились домой. Купить что-нибудь в городах было невозможно, цены росли, как безумные. А здесь еще находились фермеры, которые продавали то, что очень скоро понадобится им самим. Бог весть, что двигало ими – глупость или жадность? Дальше начинался самый трудный участок, где дорога сужалась до ширины автомобиля, и он резко тормознул, когда из-за поворота его внезапно ослепил свет встречных фар. Машину занесло, но, он сумел удержаться на краю кювета. Мимо пронесся большой кадиллак, доверху загруженный продуктами. Увы, эти продукты все равно нельзя будет сохранить в непригодном городском доме... Кадиллак скользил по неровной дороге, подскакивал, но не сбавлял хода.

Лейф выругался и рванул рычаг коробки передач. Он начал газовать, выруливая на дорогу с обочины, как вдруг его приостановил стук в правое стекло. До встречи со слепящим кадиллаком на дороге точно никого не было. Пока он раздумывал, стук повторился.

Он повернул голову, предполагая, что это стучит сломанная ветка дерева... Но за стеклом увидел рыжебородое лицо. На него смотрела пара темных глаз, посаженных слишком глубоко и близко к переносице. Часть лица, не закрытая бородой, была скорее красива, но что-то в нем заставило Лейфа отшатнуться от стекла. Все же он взял себя в руки и открыл дверь. Когда незнакомец забирался в машину, тревожное чувство усилилось, а затем внезапно исчезло.

– Благодарю, – молвил незнакомец с прохладцей. – Меня зовут Лайфейсон.

Насмешка прозвучала в его голосе, губы раздвинулись в улыбке, не очень выразительной, но и не без ехидства.

– Я поеду с тобой, Лейф Свенсен, раз уж нам по пути. Иначе бы пришлось идти пешком, а ведь Фимбул-зима уже наступила.

Это слово – Фимбул – показалось почему-то знакомым, и Лейф задумался, откуда он его знает. Он даже не удивился, что Лайфейсону откуда-то известно его имя, и словно забыл о неожиданном появлении попутчика. Вскоре странное слово закрутилось в его сознании, оно как бы вынырнуло из старинных историй, из древних скандинавских саг, которые он не раз

слышал в детстве от бабушки. Фимбул-веттер, Фимбул-зима – это страшная, самая последняя в мире зима. Она должна прийти перед Закатом Богов или чем-то вроде этого.

– Закат или Ночь? – глубоко посаженные глаза Лайфейсона смотрели холодно. Затем морщинки вокруг глаз стянулись в нарочитой усмешке. Незнакомец явно изучал Лейфа.

– Сильна в тебе древняя кровь, Лейф Свенсен, если ты помнишь, что Фимбул приходит перед Рагнарёком... Да и внешность твоя выдает это. – Незнакомец повернулся к окну. – Да, темнеет нынче рано. Хорошо хоть, что в твоей машине светло...

Лейф кивнул, глядя во мрак. Фимбул-зима! Да, подходящее имечко тому, что происходит в мире. Обрывки старинных нордических легенд снова возвращались к нему из бабушкиных историй. Это зима, после которой Боги должны были схватиться насмерть в безнадежной губительной битве с Гигантами. Мрачные картины бабушкиных рассказов когда-то немного угнетали его, а теперь внешний мир соответствовал их мраку. Чтобы отвлечься, он включил радио и настроил его на местную станцию, которая сообщала погоду и новости. Незнакомец вздрогнул, когда неожиданно захрипел динамик, его рыжая борода ошетижилась. Но вот он усмехнулся и откинулся на сиденье, вслушиваясь... Новости же оказались почти такими же мрачными, как старые истории о Рагнарёке. Даже Южное полушарие стыло в объятиях жестоких ураганов. Даже по сути невозможная война между Австралией и Новой Зеландией, и та говорила о варварстве и неспособности к диалогу. Радио вещало, что на востоке вспыхивают хлебные бунты, повсюду увеличивается рост преступности, группы фанатиков объединяются в Калифорнии, в Южной Америке начинается уже третья по счету безысходная война, Индия и Китай объаты хаосом. Мусульманская вера расплывается по когда-то православной России, и уже ходят неясные слухи о новом джихаде – кровавой религиозной войне. Только Соединенные Штаты еще держатся в стороне от этих войн и беспорядков, но безумие грозит захлестнуть и Северную Америку.

В соседнем Бруквилле поссорились братья Ольсен, так и не решив, чья очередь отправляться в лес за дровами. Братья зарезали друг друга кухонными ножами. Группы новоявленных человеконенавистников вкупе с «бдительными» бодрствовали постоянно, а городские хулиганы сбивались в бандитские шайки и грабили окружающие деревни. По радио легально рекламировалось оружие. В небесах зарегистрировано три новых явления ангелов, которые почему-то стороной облетали церкви. В конце репортажа диктор заговорил о погоде. Фальшивый оптимизм звучал в его хорошо поставленном голосе. В его устах даже сообщение о конце света и всеобщей гибели показалось бы райской музыкой. – Норны в твоей коробке вещают бессмыслицу, – вдруг взорвался Лайфейсон. – Как можно сообщать о направлении ветра, когда любой глупец скажет вам, что Фимбул-зимой ветры дуют сразу во все стороны! А кому интересно слушать рассуждения о том, что еще только должно произойти? Я, например, и так чую, что метель продлится трое суток и навалит снегом выше человеческого роста...

Лейф недовольно хмыкнул в ответ и выключил радиоприемник. Возможно, предсказания рыжебородого ничуть не хуже, чем прогноз погоды по радио. Он притормозил машину у обочины.

– Здесь я поворачиваю...

– Я буду с тобой, Лейф, до тех пор, пока ты не встретишься с братом... У меня самого назначена встреча – я ишу волка, правда, еще не одноглазого, другого, и ферма Фолкнеров вполне подходящее место...

Лейф глянул на него, но что-то в выражении лица попутчика пригасило его любопытство. Он пожал плечами, чувствуя, как по спине побежали мурашки, и сосредоточил свое внимание на изрытой дороге. Впереди показался маленький, обшарпанный ветрами дом Фолкнеров. Сильно покореженный мотоцикл, уже занесенный снегом, стоял перед домом. Воистину счастье достается глупцам и храбрецам, и это уберегло Ли от серьезных неприятностей.

Лейф развернулся и остановился неподалеку от дома.

– Зайдем вместе?

– Я посижу в машине, здесь не продувает так, как на дороге. А когда согреюсь, двинусь дальше... По скрипящим заснеженным ступенькам Лейф поднялся на крыльцо. Он постучал, подождал и снова постучал в дверь, но уже сильнее. Два года назад он и сам попытался приударить за Джойл Фолкнер, но безуспешно. Сейчас он даже не удивился, что на его стук никто не откликается. Но вот Джойл отворила дверь, ее лицо разругалось, она не ответила на прямой взгляд Лейфа, отвела глаза. За ее спиной стоял довольный Ли Свенсен в разодранных на коленях брюках и с перевязанной рукой.

– Заходи, мой мальчик, и закрывай дверь поплотнее, посоветовал Ли. – Горячий кофе на плите. Милая, налей, пожалуйста, гостю. Наверное, Лейф приехал читать мне нотации.

Лейф невольно заулыбался, несмотря на раздражение. Да и никому не удавалось долго сердиться на Ли, и Лейф по-прежнему испытывал нежность к своему брату-близнецу. Выражение лица – единственное различие в их внешности, и именно оно говорило о полной противоположности близнецов. Когда Лейф опустился в кресло, подсознательная зависть к галантным успехам брата без следа растворилась в его душе. Он сидел рядом с радиатором и благодарно впитывал тепло.

– Вот что, выйди и пригласи Лайфейсона – он сидит в моей машине – заглянуть к нам и выпить чашечку кофе, тогда не будет проповедей и моралей. Вообще-то я уже привык, что ты ломаешь мои планы.

Ли застонал от боли, когда поднимался. Но к выходу двинулся гибким и уверенным шагом. Он вернулся мгновение спустя.

– Там нет никого. Только огромный сокол как раз взлетел в небо над твоей машиной. Это что, шутка?

Лейф с сожалением оставил кресло и сам вышел наружу. Лайфейсона не было видно, он не оставил даже следов на снегу. Лейф разглядел отпечатки собственных сапог, ведущие к дому, и больше ничего. Он нагнулся, чтобы повнимательнее рассмотреть снежный покров, но в этот момент резкий звук пронзил воздух. Ли задрал голову вверх, и Лейф проследил за его взглядом. Что-то неслось над ними, еле видимое сквозь мрак и мелкий снегопад... О да, это мог быть огромный сокол, но в темноте нельзя было утверждать это с полной определенностью. О встрече с подобной птицей недавно рассказывали охотники. Вскрик прозвучал вновь, а птица скользнула в сторону отдаленной деревни и скрылась из глаз. Лейф внимательно осмотрел снег вокруг машины и забыл о соколе.

– Следы Лайфейсона, видимо, замело, – решил он. – В конце концов, это не важно, но все-таки...

– Видно, он просто отрастил крылья и улетел, как сокол, подсказал Ли. – Но даже если он сумел это сделать, так что с того?! Идем домой и выпьем горячего кофе, пока не превратились в снеговиков.

Лейф задумчиво вошел в дом, вспоминая о странном впечатлении, которое произвел на него Лайфейсон. Черт возьми, если так поймет и дальше, ему через месяцик начнут мерещиться целые эскадры реющих в небе ангелов. А все это не стоит и ломаного гроша.

Прошел час, а тревога не оставляла его, хотя Ли и Джойл весело смеялись в другом углу комнаты. Затем на улице раздался звук мотора, и смех Джойл прервался. Она вскочила с места и бросилась на кухню. В эту минуту дверь с грохотом распахнулась. Зазвучали голоса. Из общего гула выделился возбужденный голос старшего Фолкнера:

– ...Раньше я никогда его не видел... Какой-то незнакомый парень... Мы так ничего и не решили и уже хотели расходиться, когда он вошел. Тебе тоже надо бы его послушать. Он здорово раскошегарил наших слабаков вроде Саммерса. После его слов мы все проголосовали за решительные действия. Свенсену придется избавиться от своего пса-убийцы, иначе мы сделаем это сами. Мы наведем порядок в округе...

Джойл попыталась остановить его, но он продолжал говорить. В комнате он заметил Лейфа и Ли. На миг смутился, это стало ясно по его лицу. В чертах Джойл тоже проступило смущение: ей было стыдно за отца. Но тут же он воинственно расправил сутулые плечи.

– Эй вы, убирайтесь вон из моего дома! Оба! Пока я не выбросил вас сам... Я не потерплю, чтобы Свенсены что-то вынюхивали здесь...

Ли поднялся первым, неторопливо запахнул куртку. Когда он повернулся к Фолкнеру, на его губах играла презрительная улыбка, и гнев старика сразу куда-то улетучился.

– Мы уходим, Фолкнер! Но если ты всерьез собираешься сделать, что говоришь, давай выйдем вместе и разберемся. Нет? О'кей, Лейф, пошли. Джойл, увидимся потом, милая... Спасибо за кофе.

Джойл глянула на отца и прошла вперед, чтобы открыть дверь. Фолкнер что-то промышчал и попытался остановить ее. Джойл увернулась. Он смотрел на свою руку, которую отпихнула дочь, словно бы не понимая, в чем дело, скорее обиженный, чем разозленный. Потом, как и в те времена, когда его жена была еще жива, глубоко вздохнул, ссутулился и – побежденный – стал подниматься по ступенькам вверх.

Джойл вышла на крыльцо, чтобы извиниться перед гостями. Ли прервал эти неловкие извинения и притянул ее к себе. Она с готовностью потянулась к нему, но вдруг отпрянула и вскрикнула.

Братья повернулись, следя за ее замороженным взглядом. Небо совсем почернело, только густой снег мелькал в свете, падающем из окон и распахнутой двери. Но что-то белое несло в небесах и приближалось к дому. Сочное сильное сопрано донеслось сверху, и из темноты возникла юная белокурая женщина, сложенная, как амазонка, на огромном белом коне.казалось, она скачет прямо на свет, приближаясь к близнецам Свенсенам, Всадница снижалась до тех пор, пока копыта не ударили по воздуху в нескольких футах от земли. Голос наездницы не умолкал, он усиливался, а лошадь, встав на дыбы, взвилась вверх, перескочив через крыльцо. Удары копыт и пение удалялись.

Когда они обежали дом, видение исчезло.

ГЛАВА 2

Лейф Свенсен прогревал мотор машины, пока Ли прощался с Джойл Фолкнер. Он безуспешно пытался осознать увиденное. Хотя в ту минуту от ужаса волосы у него встали дыбом, в самой всаднице не было ничего страшного.

Еще ему вспомнилось, что Ли изумился даже больше, чем он сам. Более того, при виде всадницы брат сразу же скрылся за дверью и прятался в доме, пока она не исчезла.

Лейф подумал, что белокурая женщина ничем не отличалась от женщин Земли, да и лошадь производила совершенно нормальное впечатление, разве что ее размеры были искажены резким светом во мраке. Все это явно не походило на галлюцинацию. Да и Лейф не сомневался в своем зрении. Кто знает, вдруг появились лошади, умеющие летать без крыльев, или научные открытия, позволяющие проецировать подобные изображения в пространстве. Может быть, изыскания Эйнштейна в области гравитации дали свои результаты или кто-то открыл тайну телепередачи в трех измерениях, со звуком и цветом, но без всякого телеэкрана? Только вот какой смысл использовать подобные открытия здесь, так далеко от крупных центров? Этого он не понимал.

– Валькирии! – ворвался голос Ли в его раздумья, когда брат уселся в машину рядом с ним. – Или то, что наши предки называли этим именем. Интересно, кто бы мог навести ее на нас?

Лейф внимательно посмотрел на брата. Он припомнил, что валькириями назывались воинственные небесные девы, подчиненные богу Одину. Они участвовали в распределении побед и смертей в битвах да и само имя – валькирия – в переводе означало «выбирающая мертвых». Бабушка рассказывала, что они спасают убитых героев и переносят их в Валгаллу. Валгалла в переводе с древне-исландского – «жилище павших в бою героев». Валькирии заботятся об оживших воинах, которые пируют, упражняются на ратном поле и радуются новой жизни. Эти ожившие храбрецы зовутся эйнхериями. Здесь Лейфу еще раз пришло в голову, что это все же почти забытые предания. Он газанул. Машина затряслась по неровной дороге. Ли был серьезен, как никогда.

– Ты-то не веришь в эти старые легенды? – спросил Лейф.

– Не знаю. Я встречал таких всадниц раньше, а одну из них – совсем рядом. Слишком близко для того, чтобы сохранить душевное спокойствие. – Ли Свенсен сделал гримасу. Он собирался закурить и разминал в пальцах сигарету. – Во Франции.

– Ты не рассказывал об этом, когда вернулся.

– Я знал, что ты мне все равно не поверишь. На войне сталкиваешься с вещами, о которых лучше помалкивать. – Ли неожиданно сломал и смял сигарету. Поехил. – Это случилось в последний день – в тот день, когда меня ранили. Мы вышли в передовой дозор. В моем подразделении оказалось слишком много зеленых новичков, и нас отрезали. Штабные и на этот раз все перепутали. Патроны кончались. Из разведки вернулись де Нэл и Ёрдссон – странная парочка, направленная к нам с последней группой подкрепления. Они обнаружили полевой склад военного снаряжения. Я взял еще ребят, и мы все вместе отправились к складу на грузовике, хотели внезапно захватить его.

К сожалению, это не удалось. Как только мы остановились, противник открыл по нашему грузовику огонь из миномета. Они попали в нас с первого раза, но я вовремя выпрыгнул из кабины. И тогда я услышал над головой высокий женский голос. Это могла быть и сегодняшняя всадница. Она неслась, что-то распевая, и явно готовилась схватить меня. В эту минуту взорвалась вторая мина.

Ли вздрогнул при этом воспоминании.

– Я почувствовал, как меня ударила взрывная волна, и тотчас же эта дама схватила меня за волосы. Но тут что-то отвлекло ее. События путаются в памяти, все-таки я был контужен.

Во всяком случае, или взрыв отбросил меня в сторону, или де Нэл отпихнул, но я оказался на ступеньках церкви, которую даже не заметил раньше. Всадница закричала – этот раз торопливо – и замерла в десяти футах над землей. А я отключился...

– И ты не веришь, что тебя спасло крыльцо божьего храма? – спросил Лейф. Эта история была из того же ряда, что и прочие рассказы и слухи, над которыми он всегда посмеивался. Правда, на этот раз рассказ исходил от брата, и он отнесся к нему серьезнее.

А Ли покачал головой.

– Я просто не знаю, что тебе ответить. Священник, который втащил меня в церковь и там прятал до прихода наших частей, поверил этой истории. Он считает, что упадок веры раскрепостил древних демонов. Этот священник был убежден, что нам явилась валькирия. Я предпочитаю вообще не вспоминать об этом. Черт возьми, Лейф, я просто не желаю, чтобы она и здесь преследовала меня и смотрела такими глазами!

Они молчали. Каждый углубился в свои мысли. Но вот машина дотряслась до Пяти Углов. Лейф смотрел на дорогу, но боковым зрением отметил, что кто-то стоит на обочине и машет рукой. Он услышал удивленный возглас брата, и это заставило его резко нажать на тормоза. Он не успел вырулить, и машина пошла юзом по скользкой дороге. Когда же справился с рулем и тормозами, машина остановилась, проскользив полсотни метров.

Ли оглянулся на фигуру путника. Тот приближался.

– Де Нэл! Слушай, Лейф, это тот парень, о котором я тебе рассказывал! Мы вместе воевали во Франции!..

Теперь и Лейф смог разглядеть лицо этого человека.

– Лайфейсон!

Человек протиснулся на сиденье рядом с Ли, ухмыльнулся, захлопывая дверь.

– Каким именем ни назовись, лучше не ходить пешком во время Фимбул-зимы, Лейф. Я побуду с вами. Приветствую тебя, Ли Свенсен. Я прошел долгий путь, чтобы встретиться с тобой вновь.

– Как тебе удалось разыскать меня? – удивился Ли. – А главное, зачем? Уж не вербуешь ли ты в легион?

Лайфейсон рассмеялся так, как будто узрел в этой шутке какой-то тайный смысл.

– Нет, не в легион, Ли Свенсен. Ёрдссон и я – мы прикинулись мертвецами после обстрела – и быстрехонько дезертировали. И вот я здесь. А Ёрдссон, хоть и задерживается, присоединится к нам попозже. Или ты не рад встрече?

Лейфа переполняли вопросы. Вся эта история с Лайфейсоном и де Нэлом не втискивалась ни в какие рамки. Но все его внимание было приковано к дороге. Хлопья снега стали крупнее, они размокали на ветровом стекле и «дворники» проигрывали сражение со снегом, не успевая расчищать полукруг перед глазами водителя. Лейф старался ехать медленнее, чтобы хоть немного ослабить атаку снежных хлопьев на ветровое стекло. Метель явно набирала силу. Порывами налетал ветер, наметая сугробы. Ледяная дорога под мокрым снегом становилась все опаснее. Даже противотуманные фары не очень-то помогали. Машина двигалась медленно, насколько позволяли обмотанные цепями колеса. Ли вопросительно кивнул на руль, но Лейф отказался от помощи. Ли за рулем был опасен даже на прекрасном шоссе. Он продолжал медленно вести машину, стараясь, чтобы колеса не сходили с накатанной колеи.

И все равно он прозевал бы свой поворот, если бы не услышал глубокий басовитый лай Рекса. Он развернулся, отыскивая дорогу, и вырулил на нее, когда навстречу машине бросилась собака, освещенная светом фар.

Ли не сдержался и выругался.

– Ты же сказал, что Рекс на цепи!

– Он и был на цепи. Эй, малыш, сюда! – Лейф потянулся открыть дверь, но собака зарычала, попятилась назад, шерсть дыбом встала у нее на загривке. Но Лайфейсон что-то шепнул, и собака, задрав вверх морду, тоскливо завывала.

– Твой Рекс не любит меня, – прокомментировал Лайфейсон. Временами собаки что-то чувствуют во мне, он и сейчас не выветрился, этот запах. Давай-ка я пересяду назад, а ты возьми его к себе, пока мы все не замерзли.

Собака неохотно забралась в машину рядом с Ли, и они снова затряслись по дороге.

– Проверь ошейник, – подсказал Лейф брату.

– А я как раз и смотрю. Цепь разбита, как будто молотом. Хотя не совсем... звенья не только расплющены, но и оплавлены. Можно подумать, в цепь ударила молния...

Лайфейсон перегнулся через сиденье. Собака зарычала, но ее опять успокоила какая-то странная фраза, определенно произнесенная на иностранном языке. Лайфейсон взял конец цепи и повернул его так, чтобы Лейф смог рассмотреть. Ли оказался прав. Цепь выглядела странно. После всех сплетен, которые соседи распускали о Рексе, не избежать беды, если кто-нибудь заметил его на свободе. И ведь не дознаешься, когда собака сорвалась с привязи... Он прикинул, кто бы мог это сделать. Нет, этого уже никто не узнает.

Автоматическая дверь гаража замерзла, и Ли пришлось выскочить и открывать ее вручную. Затем их встретило тепло и яркий свет дома. Лейф вел Рекса за обрывок цепи, а Лайфейсон замыкал шествие. Он с любопытством оглядывался вокруг, и морщинки по краям глаз углубились.

– Лучше, чем веками торчать привязанным к трем скалам, таинственно заметил он, опускаясь в кресло. Гость был похож на огромного кота, самодовольно развалившегося в полном комфорте.

Ли принес виски, разлил по стаканам. Лайфейсон, казалось, встревожился, а потом проглотил спиртное с видимым удовольствием. Когда Лейф вернулся с кофе, гость посмотрел на кофейник с отвращением и вновь плеснул в стакан виски.

Бессознательно Лейф протянул руку к Рексу. Собака нервничала. Лейф погладил большую, как у волка, голову.

Во всяком случае, если буран не утихнет, у этих безумцев будет время поостыть. Как жаль, что я не смог попасть на встречу, подумалось ему.

– Буран закончится примерно через час, – заявил Лайфейсон.

Пять минут спустя ветер утих, воздух на улице стал еще холоднее, снегопад прошел. Лейф недоверчиво покосился на рыжебородого, но промолчал. События этого дня следовало переварить. Кроме того, что-то в незнакомце не позволяло задавать лишние вопросы.

Лейф наливал себе вторую чашку кофе, когда зазвонил телефон, заставив вздрогнуть уютно развалившегося Лайфейсона. Он встрепнулся, но опять развалился в кресле, уставясь на Лейфа с телефонной трубкой в руке.

Человек на другом конце провода пытался изменить тембр голоса, но это наверняка был Саммерс.

– Свенсен? Прислушайся к дружескому предупреждению... Люди уже собираются в условленном месте...

– Ты хочешь сказать, что они приговорили Рекса, Саммерс?.. Маскировка отброшена.

– Увы, это так, Лейф. Вот что еще – я не хочу, чтобы ты разболтал кому-нибудь о моем звонке, слышишь? Но я не хочу и того, чтобы что-нибудь случилось с тобой. Я взываю к разуму. Тут произошло еще одно убийство – у Энгельсов. И тоже обнаружены следы большой собаки. Я думаю, тебе лучше принять меры заранее...

Лейф с проклятием бросил трубку. Но не успел он вернуться к креслу, как снова зазвонил телефон. Он зарычал в трубку, предполагая, что это опять Саммерс. Но нет, в трубке звучал женский голос. Он прислушался и позвал Ли.

– Это Джойл. Она хочет поговорить с тобой.

Передавая трубку, он заметил, как с лица Ли сбежала улыбка.

– Да, милая, – Ли отвел трубку подальше от уха, словно ожидая, пока Джойл успокоится. – Да... Угу... О'кей, мы позаботимся об этом. Не волнуйся. Да, я понимаю, ты ничего не могла сделать. Молодец, что позвонила. Спасибо. Скоро увидимся, милая...

С нахмуренным лицом повернулся к Лейфу:

– Дрянные дела, мой мальчик. Джойл говорит, что местные «бдительные» собрались у них и жаждут крови – Рекса или нашей, скорее всего и той и другой. Проклятье! Рекс не мог добежать до Энгельсов и обратно, но только у нас нет никаких доказательств. Идиоты! Немного страха, голода – и они сходят с ума. Я думаю, они явятся через полчаса.

Лейф, посмотрев на часы, только сейчас осознал, что уже очень поздно. Он даже не покормил скотину.

Привычная работа заняла минут пятнадцать. Настроение поднялось. Он заготовил сена и прочих кормов года на два, его свиньи и вся остальная живность были отлично обеспечены впрок. Может быть, в этом и крылись причины его неприятностей. Немногие из фермеров в округе могли не опасаться за будущее. Вот они и завидовали ему, а зависть легко превратилась в ненависть.

Он вернулся домой. Ли тоже нашел себе работу – он задвигал шкафами окна и двери.

– Где у тебя патроны? – спросил он, показывая на охотничье ружье.

– Ты же истратил все до последнего патрона на охоте. Я заказал новые, но Сирс их пока не привез.

Ли с досадой отбросил ружье и взбежал на второй этаж.

Он вернулся с автоматическим пистолетом и парой обойм. Бросил пистолет Лейфу.

– Возьми. По крайней мере, он пристрелян по твоей руке. Мне хватит топора. А ты, де Нэл? Ты с нами? Тогда, быть может, нам удастся отбиться.

У Лейфа и Ли даже не возникало вопроса, как быть с собакой. Рекс, привезенный Ли с Аляски еще щенком, давно стал членом семьи. Никто не имел права покушаться на его жизнь.

Лайфейсон легко поднялся. Он выглядел крупнее, чем это показалось раньше.

– Топор не для меня. Нет ли у тебя молота, Ли? Спусти минуту в тесноте дровяного сарая он раскручивал над головой здоровенную кувалду, как бы выверяя ее баланс.

С небес донесся приглушенный грохот копыт и волшебное пение. Ли вздрогнул, а рыже-бородый, заметив это, усмехнулся, посмотрел в небо и еще раз не без грациозности взмахнул молотом.

– Они собираются на празднество. И оно грядет! Это празднество началось почти сразу после его слов. Снаружи раздался глубокий рев, за которым последовал ответный рык Лайфейсона. Дверь сарая внезапно распахнулась, срываясь с петель, и в сарай ввалился огромный, как медведь, человек. Такого серьезного, сильного лица с крупными чертами Лейфу, пожалуй, раньше не доводилось видеть. Темные глаза, казалось, вспыхивали, отражая свет лампы под потолком, а черная борода веером расходилась на подбородке. Ощущение огромной мощи излучал этот человек. Черный, с короткой рукоятью молот, который наверняка весил фунтов пятнадцать, казался игрушкой в обтянутом кожаной перчаткой кулаке.

– Ёрдссон, – сообщил Лайфейсон Лейфу. – Он незаменим в бою, но вынести его рассказы о ратных подвигах невозможно.

В ответ на это блеснул молот, взвиваясь под потолок.

Предупреждение! Однако незнакомец явно привык к подкалываньям Лайфейсона, хотя и не видел в них юмора.

Он вещал глубоким и мощным голосом:

– Соседи собираются. Никарр уже выпустил оруженосца. Мастер Ворон становится все нетерпеливее... – Он тоже говорил загадками.

– А ты становишься болтлив, чего я и боялся, – как отрезал Лайфейсон. – Еще немного – и ты все разболтаешь раньше времени...

Лейф уловил вопрос во взгляде брата. Что-то шевельнулось в его душе. Наверное, стоит во всем разобраться как следует...

Но времени для этого уже не оставалось. Послышался шум машин. Скрежетали передачи, выли моторы, кто-то застрял в снегу и газовал. Донесся стук хлопающих дверей и крики людей. Показались огни ламп и фонарей. С топотом и криками толпа приближалась к дому.

ГЛАВА 3

Лейф вышел вместе с бойцами на площадку перед домом. Он ощущал, как растет в нем напряжение. Запотели ладони, заныло в желудке. Одно дело знать, что толпа собралась на охоту, совсем другое – осознавать, что она охотится за тобой.

Ли включил рефлектор над крыльцом.

– Так мы увидим каждого в лицо, а сами останемся в тени. Прямой свет ослепит их... – сказал он. – Конечно, это не остановит опытного солдата с винтовкой, но эти люди, думаю, не захотят показывать свои лица. Ну, мой мальчик, как самочувствие?

Хотя на сердце было беспокойно, Лейф Свенсен все-таки нашел в себе силы усмехнуться. Может быть, этим трем профессиональным бойцам и плевать, но самому Лейфу отнюдь не нравилась идея, что соседи могут его линчевать. Неделю назад он посмеялся бы над подобной возможностью, но сейчас боялся, что так оно и будет. Он почувствовал, как взмокли подмышки, и ощутил слабость в ногах.

Но Ли похлопал его по плечу. Он понял состояние брата.

– Успокойся. Не происходит ничего особенного. Тебе просто не хватает опыта в таких делах. Держись позади, пока не разберешься, что к чему. Черт возьми, да эта толпа даже стрелять не умеет! Несколько ударов могут решить все дело.

Лейф заворчал в ответ. Он чувствовал себя несчастным. Конечно, он будет держаться позади, пока два незнакомца и еще не вполне оправившийся от ран Ли будут драться за него. Да, он позволит им взять всю тяжесть боя на себя, хотя толпа пришла за ним, Лейфом, и за Рексом. Но только вот как он сможет жить после этого в мире с самим собой? Эти противоречивые мысли и чувства терзали его душу, и он уже не испытывал страха. Конечно, он немного завидовал брату, его готовности к любым передрягам. Настало время понять, готов ли он сам к житейским испытаниям. Он боялся признаться себе, что не готов...

А толпа была рядом. Основная ее часть образовала как бы подкову по краям высвеченного рефлектором пространства, но самые агрессивные целеустремленно двигались к дому. Лейф заметил, как Лайфейсон скользнул в тень. Но тут послышался громкий вопль из основной группы. Похоже, это вопил Фолкнер. Вообще только голоса и можно было распознать в этой толпе, так как нападающие замотали лица платками или спрятали головы в наволочки от подушек с прорезями для глаз. Из дома донесся дикий лай Рекса. Он словно подтолкнул нападающих, и они с топотом и гиканьем рванулись вперед.

Ли демонстративно играл бесполезной винтовкой. Когда он шагнул вперед, в его голосе неожиданно зазвучала командирская непреклонность, приобретенная в дюжине наемных армий.

– Стой! Остановитесь или будем стрелять! Толпа загудела, видимо, пытаясь подстегнуть самое себя. Один из вожаков шагнул на свет.

– Отдай нам эту проклятую собаку и возмести убытки, Лейф Свенсен. Мы даем тебе последний шанс.

– Иди сюда и возьми ее сам, – предложил Ли. – Иди-иди и захвати с собой всю кодлу. Вас там человек тридцать жметесь в тени. Идите все! Может, мы отпустим десяток из вас к женам живьем – если вы достаточно выпили, чтобы не бояться снайперской пули.

Он двигался вперед, ступая шаг за шагом, медленно и уверенно. Когда Ли открыто шагнул навстречу толпе, вожак дрогнул. Два его сподвижника в масках отступили на несколько шагов. Но и предводитель тоже выдал свое смятение. В этот самый момент и возник Лайфейсон.

Он появился из тени, придерживая за ошейник Рекса. Должно быть, он обошел дом, чтобы вывести собаку. Вся толпа уставилась на Рекса.

Лейфа охватила тоска. Лайфейсон появился не вовремя. Лейф направился к Рексу, а толпа, казалось, уже позабыла о собаке и полностью сконцентрировала внимание на фигуре рыжебородого незнакомца.

Тишину разорвали возмущенные крики.

– Эй!

– Это же он!...

– Новичок!

– Подлый предатель!

– Он переметнулся к ним!...

Ли оглянулся. Удивление и гнев отразились на его лице. Кого предал Лайфейсон? В чем суть его поступка? А тот неотступно смотрел на толпу, а потом двинулся вперед и начал выкрикивать имена – Саммерса, Фолкнера, шерифа Коллинса и всех остальных. Даже Лейф сообразил, что ничем другим нельзя было взбесить толпу более, чем подобным образом сорвать маску с каждого лица. Раздались крики, и толпа бросилась вперед.

– Ха! – варварская ярость прозвучала в реве Ёрдссона. Ха!!!

Он опередил Ли, прикрыл его, а тот, отбросив бесполезную винтовку, кинулся за топором.

Ёрдссон заревел опять громовым голосом, и молот вылетел из его руки, свистя в воздухе. Темные брызги окропили снег. Молот, казалось, отскочил от своей жертвы, повинаясь некоей пружине, и вернулся назад в протянутую руку Ёрдссона. Лейф наблюдал за всем этим как во сне, потому что не мог оторвать глаз от безголовой человеческой фигуры, опрокинутой на снег. Он выронил пистолет. Подступила тошнота, но его не вырвало из-за спазм, сжавших горло.

Нападающие заколебались, дрогнули, кто-то отбежал подальше, но толпа уже подчинялась общему напору. Теперь, когда пролилась кровь, люди стали подобны акулам, объединенные запахом смерти. С нечеловеческими воплями, полными беспредельной ярости, они рванулись к своим жертвам. В руках появились пистолеты, выхваченные из карманов, сумок, из-за поясов. Ли, Ёрдссон, Лайфейсон шли навстречу опасности, не обращая внимания на оружие. Рядом с ними бежал Рекс. Вот он вцепился в прыжке в незащищенное горло одного из нападающих. Что-то просвистело над ухом Лейфа, когда он нагнулся за своим пистолетом. Он даже не сразу понял, что это пуля. Стоял, бессмысленно протирая пистолет, потом зачем-то сунул его в карман. Но инстинкт самосохранения уже заговорил в нем, и Лейф ринулся вслед за отчаянной троицей, которая врезалась в толпу. На таком расстоянии стрелять было бесполезно.

Приклад винтовки взлетел над самой головой Лайфейсона. Но Ли вскинул топор, и Лейф подхватил эту винтовку раньше, чем она выпала из отрубленной руки неприятеля.

Толпа тоже ошетижилась ножами и топорами. Лейф бросил чужую винтовку, которая так и не пригодилась ему, и в отчаянии ухватился за рукоятку топора, занесенного на этот раз над его головой. С усилием он отвел топором в сторону, но лезвие все же задело руку, распоров рукав кожаной куртки. Лейф вдруг оказался на снегу. Он схватился со своим противником в рукопашную. Толпа топтала их сапогами.

Но тут блеснуло лезвие, и рука на горле Лейфа ослабла, а из другой руки противника выпал топор. Лайфейсон ухватил Лейфа за плечи и поднял с земли. Все стало ясно. Чем бы ни занимался рыжебородый раньше, в этой схватке он сражается вместе с ними.

Лейф как бы раздвоился: часть его существа панически боялась происходящего, а другая часть боролась со страхом. Но впадшая в истерику толпа, ярость его бывших друзей и соседей разбудили в нем ранее незнакомые чувства. Он замахнулся топором снизу, от земли, и почувствовал, как металл располосовал чью-то ногу. Он поспешил на помощь Лайфейсону, который оказался в окружении разъяренной толпы.

Лейф по-прежнему не мог убить человека, но оказался способен наносить беспощадные удары. Это действовало безотказно. Через несколько минут все, что он видел перед собой,

словно окуталось красным туманом. Когда туман рассеялся, Лейф понял, что уцелевшие противники беспорядочно отступают, попросту спасаются бегством. Да, они рассчитывали линчевать его и расправиться с Рексом, но были сметены неистовым сопротивлением, которого не ожидали. Перед лицом реальной опасности «благие» намерения улетучились.

С небес до Лейфа донеслось пение. Краем глаза он приметил размытые силуэты нескольких женщин на сумрачно-белых конях. Всадницы неслись на фоне черного неба.

Ёрдссон ушел далеко вперед. Он возглавлял побоище и собирал последнюю кровавую дань с беспорядочно отступающей толпы. А по снегу полз, цепляясь передними лапами за хрупкий наст, Рекс, безусловно, тяжелораненный. Лейф хотел ему помочь, но замер, когда увидел брата. Ли попытался привстать, обеими руками поддерживая низ живота. Лейф метнулся к нему, и Ли приподнялся на локте. Похоже, он о чем-то хотел предупредить брата и предостеречь его. Но было поздно. За спиной послышались звуки, что-то ударило Лейфа сзади и сбilo с ног. Это поднялся один из поверженных противников. Только что он лежал без сознания, но очнулся, вскочил на ноги и ринулся в атаку. Лейф не успел поднять топора, а враг уже замахнулся здоровенным ножом, чтобы нанести второй удар. Лезвие сверкнуло в воздухе.

Лейф подался и сторону, чтобы уклониться от удара. Лезвие просвистело возле самого уха, ударило по куртке и прорубило ее. Боль опрокинула Лейфа навзничь – треснула ключица, начали расходиться грудные мышцы. Он падал, пытаясь выхватить свой большой, подобный мече, нож. Крик застрял в глотке, он потерял голос и ощутил во рту соленый вкус крови.

Падая, он все же успел обернуться к нападавшему и в это время увидел, как топор Лайфейсона расколол череп атакующего врага. Рыжебородый пинком ноги оттолкнул падающий труп в сторону и опустился на колено, одной рукой поддерживая голову Лейфа. Бессознательно пытаясь отодвинуться, Лейф посмотрел на небо и закричал. Он ощущал под затылком теплую ладонь Лайфейсона. Губы бойца победно улыбались, когда он рассматривал Лейфа Свенсена!

Страстное пение рвалось с небес. Ему вторил подобный приглушенным ударам барабана грохот копыт. Какой-то силуэт метнулся вниз. Боль из перебитой ключицы Лейфа начала расползаться по телу, становясь все острее и непереносимей. Силуэт приближался к нему, пока не принял очертания рослой женщины на огромном белом жеребце. Она падала вниз из ниоткуда. Все вокруг заволочло серым туманом, но сознание еще не вполне покинуло Лейфа. Он еще ощутил тепло женских рук, которые вцепились в его волосы, успел почувствовать себя поднятым в воздух и брошенным поперек лошадиной холки одним мощным движением. Ветер засвистел вокруг, и земля устремилась прочь от Лейфа. Над ним взвилась странная мелодия песни, безумное сочетание звуков и полутонов. Радужные пятна перед глазами сливались в гигантские цветные радуги и словно пронизывали все тело раненого Лейфа, заглушая боль.

На первый план выступила лошадь. Ее короткое дыхание, топот ее крупных копыт. Всадница понукала это летящее существо, а вокруг дрожали радуги, рассыпаясь и стягиваясь вновь. Рану Лейфа ожгло лошадиным потом, и боль снова стала непереносимой.

Опять напряглись мышцы лошади. Казалось, она с большим трудом преодолевает какую-то невидимую субстанцию. Радуги слились воедино, ослепляя почти физически ощутимой пульсацией. Лошадь преодолевала неведомый подъем, ритмично выстукивая копытами, а понукания всадницы снова перешли в мелодию небесного песнопения. В песне повторялись слова и имени, которые почему-то казались знакомыми. Даже на языке он ощущал этот вкус имен и слов, которые когда-то слышал и повторял вслед за бабушкой. Воинственные женщины-оруженосицы, что несутся в небесах, пересекая некий магический мост, именуемый Бифростом, а точнее – по древне-исландски – Бильрёстом... Неужели это и был он – мост-радуга, соединяющий небо и землю, та «трясущаяся дорога» скандинавских мифов, которая должна разрушиться во время Рагнарёка? О, Бифрост – тайная дорога между землей и небом, а на самом деле между различными измерениями пространства и времени! Еще в сознании Лейфа промелькнул образ мужественного сверхчеловека с боевым молотом в руке, который

мог вызывать приливы, отпивая из чаши океана, еще привиделся Лейфу вероломный бог, прикованный к скалам, чтобы на него стекал яд из пасти грандиозной змеи, померещились гиганты и чудища, чудеса и сумрачный рок, который предшествовал уничтожению всего на свете, включая и саму Землю.

В нем заговорили мифы и ожил язык, умерший тысячи лет назад! Но это было невозможно!..

В это время Лейфа охватило чувство, что его пытаются разорвать на части и расчлениить на самые малые атомы, и радуги Бифроста расплескались вокруг него в последней вспышке.

И стало спокойно. Мрак милосердно сомкнулся над Лейфом Свенсеном.

ГЛАВА 4

Издалека доносились удары по металлу и крики толпы. Лейф очнулся, понимая, что он провел без сознания несколько часов. Он шевельнулся и сразу вспомнил о нанесенных ему ранах. Но не почувствовал боли. Или прошло много времени или все, связанное с завершением кровавой схватки, померещилось ему после контузии. А сейчас он явно лежал в постели и не ощущал обычных запахов больницы. Чутье подсказало ему, что он не дома, а в совершенно незнакомом месте. Лейф приоткрыл и снова закрыл глаза. Темнота. Оба раза он ничего не увидел. Не ощущал он и бинтов на лице, которые могли бы заслонять свет.

Что-то возникло неподалеку, и прозвучали шаги. Лейф лежал спокойно, боясь пошевелиться. А вдруг он не видит света, потому что совершенно искалечен?

– Он все еще без памяти? – спросил мягкий женский голос. Ласковая ладонь легла на лоб Лейфа и отвела волосы от лица. На миг пальцы замерли, и он почувствовал приятную прохладу и странное покалывание от прикосновения женской руки. – Он статен и неплохо сложен. Чем-то похож на Балдера... Только в его лице я не вижу ничего воинственного. Он скорее выглядит мирным крестьянином...

В ответном слове прозвучала насмешка.

– Будь осторожней, Фулла! Странно слышать такие речи от девственницы Аснира. Вспомни о богине Фрейе и ее смертном муже.

– Не преувеличивай, Регнилейф, – ответила незнакомка по имени Фулла. В голосе прозвучало смущение. – Много воды утекло с тех пор, когда смертный появлялся у нас. Айзир пустеет, как и эйнхерьяр. Не забивай себе голову чепухой.

Собеседница Фуллы снова засмеялась.

– С этим героем нам пришлось повозиться. Переправить его через Бифрост оказалось почти не под силу даже Летящему Копыту. А ведь это лучший конь Джны. Летящее Копыто на целую неделю выбыл из строя. Да и я по-прежнему не могу прийти в себя после того, как вытащила твоего подопечного. Надеюсь, этот человек окажется настоящим берсеркером и обладателем знания, о котором вероломный Локи поведал Эльфадуру Одину... Мы все нуждаемся в его знании. Горячее дыхание Сартра веет все ближе...

Шаги удалились, голоса растворились в отдалении. Лейф Свенсен лежал неподвижно и пытался разобраться в происходящем. Безумие продолжалось наяву. Балдер, Айзир, Один, вероломный Локи – древние боги Севера. Неужели его бреду не будет конца? Но ведь валькирия на самом деле вынесла его из боя на своем Летящем Копыте!.. А разве молот не возвращался в ладонь Ёрдссона, подобно легендарному молоту Тора? Смех и грех...

А где же Ли? Он попытался приподняться.

– Ли...

В ответ он не услышал ни звука, но к его плечу прикоснулась рука и подтолкнула его назад на ложе. В руке чувствовалась мужская сила.

– Не волнуйся, Лейф Свенсен. О твоём брате позаботятся. Да это сейчас не самое главное. Бифрост ослепил тебя. Вот моя рука. Сожми ее и попробуй следовать за ней глазами. Это голос Лайфейсона. В нем не звучало привычной насмешки, скорее скрытая тревога. – Тебе понадобятся все твои чувства. Я владею кое-какими магическими тайнами... Если ты наконец-то понял, кто я, не забывай этого. А теперь...

Его руки выводили любопытные пассы перед лицом Лейфа, и вслед им звучали слова заклинания:

Железного леса матерью да выправится это все.

Торопись, Время, чтобы смертному вновь зрение обрести!

То ли помогло заклинание, то ли сработали пассы – только комната неожиданно высветилась. Лейф, моргая, обвел взглядом старые балки потолка. Он лежал в огромной комнате, вдоль стен которой тянулись деревянные скамьи, покрытые медвежьими шкурами. Старинное немудреное оружие украшало стены, свет проникал внутрь сквозь маленькие оконца, затянутые промасленным пергаментом. Комната, как уже отметил Лейф, и не пахла больницей, но чем-то напоминала декорации второсортной постановки вагнеровских опер. Лейф покосился на собственное плечо. Он не увидел ни бинтов, ни открытой раны, только свежий красный шов на том месте, которое было разрублено. Он повернулся к своему целителю, известному ему под именем Лайфейсона. Тот был одет в плотную кольчугу, и его голову венчал остроконечный шлем с крыльями. Догадка пронзила Лейфа:

– Локи! И это... Локи кивнул.

– Я – Локи Лайфейсон, сын Нэла. А вокруг нас Астард жилище богов твоих предков. Ты жив, Лейф, хотя и должен был испытать прикосновение к смерти перед тем, как порвать связи с Землей. Переход через Бифрост – мост между измерениями времени и пространства – наполняет тело такой энергией, что оно оказывается в силах за день затянуть свои раны. Что я еще хочу сказать? Перед тобой пройдут мифы, но эти мифы живы и у них острые зубы, Лейф Свенсен. Язык, на котором я с тобой говорю, одно из доказательств. Ты узнаешь этот язык?

В сказанном Лейф точно узнал английские слова миф и измерение, но все остальные... Он не находил их в своем словаре, хотя вполне понимал. Это было похоже на язык бабушки, но невероятно изменившийся, а скорее всего совершенно архаичный.

– Мы не умеем читать мысли, – пояснил Локи. – Но смысл любых произнесенных здесь слов доступен каждому. Такова природа Асгарда. Впрочем, любой из известных нам миров имеет свои особенности. Ты веришь мне?

Лейф кивнул в ответ, но не слишком уверенно. Что-то было во всем этом не так, и он еще не мог отбросить свое земное знание мира и немедленно принять слова Локи на веру. Но он не мог и отрицать их полностью, особенно после всего, что произошло.

А Локи нахмурился.

– Ну, неважно, тебе все равно придется поверить. Фулла уже возвращается. Поэтому слушай и запоминай! Притворяйся, сколько сможешь, что ты в бессознательном состоянии. А потом сделаешь все, что скажу. Имей в виду: Один упрям, а временами бестолков. Это я убедил его, что нам нужен человек современного мира. Он избрал Ли. Мы с Тором отправились за твоим братом, но я все подстроил так, чтобы забрать тебя. За этот обман могут наказать нас обоих. Все должны видеть в тебе берсеркера, то есть твоего брата, способного остановить двадцать воинов, чтобы спасти друга. Именно это увидел Один, восседая на своем троне. Не забывай этого – играй роль! Только смотри, играй ее хорошо. Гнев Одина ужасен!

Послышались шаги за дверью, и Локи неожиданно исчез. Там, где он только что стоял, покачивался листочек какого-то дерева. Лейф уставился на этот листок. Голова его шла кругом от избытка впечатлений и от недостатка информации. Бред ли все это или нет, только Лейф понимал, что ему придется следовать указаниям Локи. По крайней мере, высказанная ему тревога была искренней.

Он быстро опустил на ложе, закрыл глаза, расслабился.

– Он по-прежнему не приходит в себя, – услышал Лейф уже знакомый низкий голос Регнилейф.

– А ведь ему уже пора очнуться. – Ладонь Фуллы опять мягко легла ему на лоб. – Но все меняется вокруг, всё не так, как положено... даже с яблоками творится что-то неладное. Наверное, меня напрасно назначили на место Айдуни. Я делаю все, что только можно, а дерево никак не отзывается. Ну, ладно, Регнилейф, пора оживить героя.

Регнилейф хрипло хохотнула.

– Я много раз делала это, Фулла. Сегодня мне не хватит энергии после нашего последнего полета. Кроме того, я должна позаботиться о Летящем Копыте. Оживи его сама – раз уж ты хочешь этого.

Лейф чуть приоткрыл глаза и сквозь ресницы разглядел уходящую миловидную женщину. А Фулла робко направилась к нему через всю комнату, проводив подругу. Стройная и изящная. Золотые волосы скреплены на затылке необычной короной из светлого металла. Прелестное лицо дышало свежестью. Завистницы сказали бы, что это здоровое лицо, иными словами, кровь с молоком. Румянец смущения, выступив на щеках, только подчеркивал эту свежесть. Когда она подошла, Лейф быстро сомкнул глаза.

На этот раз в ее прикосновении не чувствовалось уверенности. Одной рукой она прикасалась в его груди, ладонь другой скользнула под голову и обхватила затылок. Вдруг нежные и теплые губы припали к его губам. Поцелуй становился все сильнее! Между ними пробежала трепетная волна, подобная покалываниям электрического тока. Она была полна какой-то горячей силой.

Лейф непроизвольно протянул руку и привлек девушку к себе.

– Нет, Июмир, нет! – задохнулась она. – Этого нельзя делать под чарами, иначе твоё оживление плохо кончится для нас обоих...

Но его рука преодолела сопротивление Фуллы, и опять их губы встретились. На этот раз горячая струя неведомой энергии как будто расходилась в обе стороны. Девушка на мгновение поддавалась ласке и даже протянула руку к его плечу. Ее губы робко отозвались на поцелуй Лейфа. Но поток энергии начал ослабевать, и она вырвалась из объятий Лейфа, запрокинула смертельно бледное лицо.

С широко открытыми глазами она выглядела еще привлекательнее, и Лейф усмехнулся. Под его взглядом на побледневшем лице Фуллы проступил резкий румянец.

– Это же только обычай – пробуждение зачарованного героя... – сказала она, чуть заметно запинаясь. Она внимательно всматривалась в Лейфа, и ее пухлые губы вытянулись в тонкую линию: – Ты ожил раньше срока! Ты обманул меня.

Возникла хоть какая-то ясность в бредовой обстановке. Ирреальность ситуации помогла Лейфу преодолеть неловкость. Кроме того, он должен был вести себя, как Ли. Локи не зря предупредил его.

– Конечно, я обманул тебя, – жизнерадостно воскликнул он и задержал руку Фуллы в своей ладони. – Но какой бы мужчина не сделал этого!

Она пожала плечами – то ли с недоумением, то ли соглашаясь... Лейф привлек ее к себе. Девушка пылко обняла героя. Он удивился своему поступку. На этот раз между ними не появилось энергетического поля, но его душу охватил неведомый ранее порыв. В мире не осталось никого и ничего, кроме Фуллы и желания чувствовать ее рядом с собой. Он хотел только одного – покрепче обнять эту почти незнакомую девушку.

Но объятие было разорвано хриплым дребезжащим голосом. Казалось, это каркала ворона:

– Один призывает к себе!

Фулла отпрянула от Лейфа и покраснела до корней волос. Взгляд Лейфа уперся в черную птицу. Эта птица сидела на спине косматого серого волка.

Птица в упор смотрела на Лейфа.

– Один призывает Лейфа, сына Свена. Фулла должна указать ему дорогу.

Фулла опустила глаза и сняла со стены шлем и кольчугу.

– Быстрее переодевайся. Последнее время Эльфадур не терпит промедления. Обо всем, что было, мы должны забыть навсегда.

Ее не смущал вид обнаженного мужчины. Он натягивал на себя непривычный наряд, а она не только смотрела на него, но и помогала побыстрее облачиться в воинские доспехи. Он

принял помощь как нечто вполне естественное и не удивился этой вольности. Очевидно, попав в Асгард, он воспринял законы поведения, принятые здесь. Но нордические легенды, как он припомнил, ни о чем подобном не говорили.

Он не мог забыть, как Фулла откликнулась на его ласку, и был уверен, что и она думает об этом. Он вышел вслед за Фуллой, не сказав ни слова, как будто ничего и не было между ними. За спиной остался низкий массивный дом. Он занимал большой кусок земли, вдоль фасада тянулся целый ряд дверей. Вокруг стояли другие дома. Самые высокие поднимались только на четыре этажа. Крыши, стены, наличники этих домов когда-то сверкали позолотой, но сейчас позолота облупилась. Под солнцем вспыхивали остатки прежней роскоши. Асгард явно нуждался в ремонте.

Однако природа Асгарда явно свидетельствовала о величии этих мест. Лейф вдыхал хрустально чистый воздух, по небу плыли плотные белые облака. Казалось, они окутывали этот мир бездонной пеленой, но сквозь пелену струился свет. Цепь холмов уходила к горизонту. С одной стороны Асгарда стояла высокая стена, окруженная густым лесом. Там, где стена не заслоняла взора, раскинулись холмистые равнины, покрытые зеленой травой. В мягкой и упругой траве утопала нога. Весь ландшафт выглядел хорошо ухоженной садовой лужайкой.

Они направились к лесу. За спиной остались огромные дома из потемневших бревен с осыпавшейся позолотой. Они вышли на зеленую равнину. Ее центр был безжалостно вытоптан сапогами. Здесь рубили и кололи друг друга люди в боевых доспехах. Лейф понял, что именно этот шум разбудил его. Он осмотрелся. Одни из воинов держали секиры с двойным лезвием, другие ошетинились копьями. Большинство из них орудовали неудобными мечами, прикрываясь щитами от противника.

Он увидел, как какой-то воин недалеко от него одним ударом отсек головы двух бойцов. После этого он с удовольствием утер пот со лба и вразвалочку двинулся по равнине в поисках новых приключений. Тут засвистело копье и пропороло ему бок. Он споткнулся на ровном месте, осел на землю, но даже не попытался извлечь копье из раны.

При виде этого душераздирающего зрелища Лейф припомнил кое-какие обрывки из древних мифов. Несомненно, здесь находился эйнхерьяр – войско героев, которых валькирии доставляли в Валгаллу, вдыхая в них новую жизнь. На этом поле они практиковались в ратном мастерстве. Это мастерство должно было понадобиться после наступления Рагнарёка. Над эйнхерьяром властвовал Один. Каждый вечер по его повелению герои снова становились живыми и здоровыми. Подумаешь, пара отрубленных голов! Они вскорости прирастут к шеям своих владельцев. Лейф вздрогнул – он заметил, что из ран не сочится кровь.

– Что-то твои герои неповоротливы, – сказал он Фулле. А Фулла озабоченно кивнула.

– К сожалению, это так, хотя здесь собраны великие воины. Искусственная плоть, созданная белыми эльфами, все же упускает жизненную силу, хотя мы, валькирии, успеваем сохранить ее, когда герой на грани смерти.

– Искусственная плоть?

– Так мы называем их тела, хотя сам мир эльфов для нас закрыт. – Неведенье Лейфа немного озадачило Фуллу. Она разъяснила, что происходит с героями. – Мы, валькирии, храним гены этой плоти, созданной эльфами. Когда мы вдыхаем эти гены в грудь умирающего героя, жизнь и тело его сохраняются навсегда. В Асгарде восстанавливаются израненные тела. Герои получают вторую жизнь. Но земные силы из этих вечных тел постепенно улетучиваются. Мы не умеем наделять их новыми силами.

Они используют генетическую матрицу человека, сообразил Лейф, и выращивают его тело из протоплазмы при переходе через радужный мост. Каким-то образом герои частично сохраняют разум и память. Он по привычке начал искать логику во всем этом абсурде и даже поморщился.

– Почему бы не приглашать в Асгард живых героев, вместо того чтобы воссоздавать недоразвитые копии? – спросил он. Фулла вздохнула.

– Даже Бифрост не поможет оживить мертвого. А плоть белых эльфов не умирает – она всегда восстанавливает свою первоначальную форму. Ты на своем опыте должен был понять, как трудно выхватить раненого героя из лап смерти в ту минуту, когда он выпускает последний вздох. Нам и так не хватает золотых яблок с нашей Священной Яблони. Даже Летящее Копыто не поднял бы тебя без посторонней помощи... Ой, мы заговорились, а нас ждут. Идем! Лейф ощутил свое тело. Оно, без сомнений, принадлежало ему и раньше. Как говорится, здесь и не пахло протоплазмой! И его чувства отнюдь не казались эфемерными, когда он разглядывал идущую перед ним девушку. Она так нравилась ему...

По камешкам они перешли ручей. Хорошо утоптанная тропинка вела в лес. Здесь он догнал Фуллу и властно притянул к себе. На миг она прильнула к его груди – и сразу отпрыгнула.

– Мы опаздываем, – с мягким укором молвила Фулла. – Айзир собирается в Йюгдразиле.

Йюгдразил оказался старинной ясеновой рощей. Ветви старых деревьев переплелись и образовали шуршащий шатер над огромной поляной. Здесь на жестком троне сидел бог Один. По левую и правую руку от него насторожились два волка. Вороны замерли на плечах бога. Его можно было узнать еще и по единственному глазу на царственном мрачном лице. Этот глаз проницательно оглядывал собравшихся. Бог был почему-то подавлен, его согбенные плечи выражали обреченность. При виде этого Лейф испытал непонятную жалость.

А Локи был уже здесь. Он улыбнулся Лейфу и пошел навстречу.

Фулла насторожилась, щелкнула пальцами и попыталась встать между Локи и Лейфом.

– Это злой гений Асгарда, – шепнула она. – Айзир сошел с ума, если разрешил ему вернуться. Остерегайся его, Лейф.

Лейф Свенсен нахмурился. Он вспомнил о вероломстве рыжебородого бога, о несчастьях, в которые тот вовлек десятки своих земляков. В предупреждении Фуллы был смысл. Да и древние истории говорили о том же. Но у Лейфа не оставалось выбора. Он мог рассчитывать только на Локи. Это было ясно.

– Я думал, что именно он – мой покровитель в мире богов, – ответил он Фулле.

Его спутница после этого признания напряглась, ее глаза потускнели и на опустошенном лице появилось такое выражение, как будто он только что отвесил ей пощечину. Она отпустила руку Лейфа и прижала свою ладонь тыльной стороной к губам. Отвернулась и бросилась прочь.

А Локи уже стоял рядом с ним и посмеивался.

– Она не любит меня, – сказал он беззаботно. – Однажды, когда Асгарду угрожала опасность, я договорился о мире с Маспелхеймом. Правда, при условии, что Фулла выйдет замуж за вождя гигантов. У него была кабанья голова и в придачу четыре руки, но все же он выглядел лучше других. Она умолила Фрейю не выдавать ее замуж, но с тех пор возненавидела меня. Теперь она, наверное, подумала, что ты ее предал. Но – хватит воспоминаний...

Он подвел Лейфа поближе к собравшимся.

– Запоминай эти лица. Я вижу, что Одина ты узнал сам. Рядом с ним Видарр и Вэли, его сыновья. Будь осторожен с ними. Считается, они уцелеют после Рагнарёка. Я полагаю, им выгодно ускорить его приближение, вот они и сговариваются... Дальше стоит Хеймдаллр. Он всегда против моих предложений...

Локи называл имена богов, но Лейф быстро запутался в их лицах и взаимоотношениях. Голова шла кругом от обилия впечатлений, когда он вслед за Локи подошел к трону Одина.

Бог сердито смотрел на гостя с высоты своего трона. Жена Одина – Фригг – холодно взирала в сторону, намеренно не замечая Лейфа.

Один подозвал Фуллу. Она приблизилась к нему с маленьким кованым сундучком. Один извлек из сундучка маленькое золотое яблоко, надкусил его и пустил по кругу соратникам. В голосе Одина звучала такая горечь, что Лейфу на миг пришла мысль о язвенной болезни бога.

– Пф-ф... Наша юность и наша сила зависят от такой малости... – и он с неприязнью отпрыгнул. – Но и этой малости уже не хватает. Локи, где наш сын Тор?

– Оки-Тор еще не вернулся. Очевидно, он ищет новых героев, – в смиренном голосе Локи прозвучало извинение. Но Лейфу он шепнул с облегчением: – Нам повезло. Я боялся, что Тор опередит нас. Он один способен понять, что ты – только близнец героя, и потребовать нашей смерти в Нифлхейме. За обман.

– Так это и есть герой? – снова спросил Один. Толпа изучала Лейфа, рассматривала его сапоги, бросала взгляды на часы, которые блестели на запястье. А вкрадчивый голос Локи начал рассказ о том, как они вместе с Тором вступили в битву, чтобы выхватить из нее нужного им человека. Как они потерпели поражение, ибо герой оказался на освященной церковью земле. Локи поведал собранию, как он проследовал в другую страну по следам героя. Он поведал, как вызвал недовольство соседей Свенсена, и красочно описал дальнейшее побоище. Лейф оценил, с каким мастерством привирал Локи в своем рассказе. Получалось, что главную роль в схватке играл не Ли, а он сам, Лейф Свенсен. Было неприятно вспоминать, как Локи двурушничал, натравливая соседей на Свенсена, чтобы почти немедленно перейти на сторону братьев. И все это для того, чтобы Лейф попал в гибельную переделку. Для того, чтобы его серьезно ранили, настолько серьезно, чтобы появилась возможность перенести умирающего бойца через Бифрост. Видимо, это было одним из магических условий воскрешения. В глубине души Лейф соглашался с мнением Фуллы о Локи. Но он уже включился в игру, которая не оставляла выбора.

Один с нетерпением ожидал, когда Локи доведет свою историю до конца.

– Ты не порадовал меня, но что поделать... Мир болен. Мужчины ведут себя, как женщины. У героев не хватает сил как следует замахнуться топором. Может быть, он силен в науках и ремеслах и это восполнит недостаток храбрости? Что же, попробуем использовать его во славу Асгарда. Локи, ты Рагнарёком ручаешься за сына Свена?

Локи поднял руку. Стоящие рядом с Одином тонколицый Вэли и толстый Видарр что-то нашептывали отцу. Один отмахнулся и еще больше сгорбился на своем троне.

– Мы ни на что не способны, – с горечью бросил он сбоим соратникам. – Безумные времена. Безумие поразило всех нас. Мы вынуждены даже слова Локи принимать на веру. Безумный век созвучен его речам. Но, если этот новоявленный герой нас подведет; хуже все равно не будет, а вы сделаете с ними обоими все, что вам заблагорассудится. Сын Свена, выйди вперед, покажись богам.

Локи незаметно склонился к плечу Лейфа.

– Нам повезло. Сейчас многие настроены против Одина, и он вынужден защищать нас...

Фразу прервал внезапный рев.

– Стойте! – разнесся над толпой крик, и Локи с чувством выговорил бранное слово. Огромная фигура Ердссона, а иначе Тора, расталкивала ряды собравшихся, прорываясь в центр собрания. За ним бежал усталый, тяжело дышащий пес. Лейф сразу узнал Рекса. В протянутых руках Тор нес бездыханное тело Ли.

– Стойте! – снова заревел Тор. Как пушинку он опустил тело на траву и обернулся к присутствующим. Локи схватил Лейфа за руку и потянул в плотную толпу. Они спрятались за спинами Айзира. А хмурый Тор обратился к Одину.

– Отец Один, – истинный герой – вот этот сын Свена. Я объявляю другого самозванцем и таким же пройдохой, как сам Локи. Меня обманули. Я требую справедливого суда!

Он повернулся к щегольски одетому Хеймдаллу. Тот полировал ноготь суконным рукавом. Хеймдалл на мгновение отвлекся от своего занятия и протянул палец с глянцевым ногтем, указывая, где затерялись среди толпы Лейф и Локи. Тор молниеносно обернулся к ним. Его рука лежала на рукояти молота, висящего на поясе.

ГЛАВА 5

Повелительный голос Одина прогремел над толпой:

– Ты сказал достаточно, Тор! Мы решим вопросы, с которыми ты обратился к правосудию. Как этот человек смог попасть в Асгард без помощи валькирий?

Тор еще хмурился, но его рука на рукояти молота разжалась. Он опустил руку. Его гнев еще не прошел, но он взял себя в руки. Локи с облегчением вздохнул и подтолкнул Лейфа вперед.

– Локи задурил голову валькириям, и они улетели с ним, он презрительно ткнул пальцем в сторону Лейфа. Регнилейф с подругами умчалась и оставила меня с умирающим на снегу героем. Я пронес его через Бифрост на собственном горбу. А что, по-вашему, я должен был делать?

– А собака. Тор? С каких это пор в Асгард возносится земное зверье?

– С тех пор, как сюда допущены вороны и волки, – парировал Тор. Как ни странно, Один даже улыбнулся в ответ на дерзкую реплику, но Тор не заметил этого: он не ждал одобрения. Он отвечал:

– Собаке досталось не меньше, чем герою. Ее добивали два озверевших фермера, когда мой молот Мьёльнир настиг их. Полумертвый, с переломанной спиной верный пес полз за нами. Он не мог оставить хозяина. И что, я должен был бросить его в то время, когда валькирии спасали самозванца на Летящем Копыте? Мы добрались сюда втроем, обнимая друг друга, и потому каждый из нас имеет право на дружескую встречу под старинными ветвями.

Гул одобрения пронесся над толпой, и даже на лице Локи отразилось искреннее восхищение подвигом Тора.

– Даже Летящее Копыто в лучшие времена не смог бы вынести двоих, – услышал Лейф его замечание. – Но Тор в ярости может перенести через Бифрост хоть роту! Это может склонить Айзир на его сторону.

Лейф подумал, что ему не разобраться в этом хаосе событий и отношений. Он тяжело положил руку на плечо своего наставника.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.